

АГИОГРАФИЯ КАК ЖАНР РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX—XX ВЕКОВ

XX век ознаменовался в истории Русской Православной Церкви событиями, значение которых еще предстоит осознать. Небывало жестокие гонения, сравнимые с гонениями первых веков христианства, сонм мучеников и исповедников, положивших свои жизни за веру Христову, явили миру новую эпоху русской святости. Осознать произошедшее, извлечь из него исторические и нравственные уроки — важнейшие задачи для нас, их потомков и наследников в вере.

Вместе с канонизацией святых возрождается и отечественная агиография. Важной задачей становится написание житий святых, прославленных Церковью в XX веке, а также тех, прославление которых — дело ближайшего будущего. Русская Православная Церковь уже приступила к ее решению. Таким образом, в последние десятилетия произошел небывалый всплеск в развитии агиографической литературы. Если в XIX веке было написано всего несколько житий святых, прославленных в течение столетия, то в последнее время количество новопрославленных святых исчисляется сотнями. Все это заставляет с особым вниманием отнестись к проблемам современной агиографии.

Особым обстоятельством является то, что подавляющее большинство новопрославленных святых — мученики, а именно этот род святых до начала XX века не имел большого значения в истории Русской Церкви и, соответственно, в русской агиографии. Совершенно иная картина открыва-

ется перед нами в новейшей истории Русской Церкви, когда мученичество и исповедничество становятся лицом русской святости в XX веке.

Сам по себе жанр жития — явление очень устойчивое и традиционное, формировавшееся на протяжении сотен лет и мало изменившееся за время, предшествующее рассматриваемому периоду. При этом современная культура, в том числе и литературная, коренным образом отличается от культуры, органической частью которой являлся житийный жанр. В эпоху, в которой даже классический литературный язык Пушкина и Достоевского с трудом воспринимается иными современными читателями, житийный канон, отражающий литературные нормы и мировоззрение средних веков христианства, часто бывает непонятен даже верующему человеку.

Житийный жанр возник в Древней Руси вместе с письменностью. Возникновение древнерусской письменной культуры носило особый характер, она возникла в результате трансплантации на Русь византийской культуры. В отношении русской литературы, как убедительно показал Д.С. Лихачев, можно говорить не о влиянии, а о переносе византийской литературы на русскую почву. Оно не изменило, не преобразовало язычества — оно его заменило и, в конечном счете, уничтожило. Также и византийская литература не могла повлиять на русскую литературу, так как последней по существу не было — на Руси не знали письменных произведений до появления переводной литературы¹.

XIX век был для России временем продолжающейся секуляризации культуры и общества. К этому времени история секуляризации в России насчитывала уже не одно столетие. Процесс отхода от целостной церковности и создание нового стиля «мирской» жизни начался приблизительно уже с конца XV века. С самого начала этот процесс был осложнен

¹ См.: Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. Л., 1987. Т. 1. Развитие русской литературы X—XVII веков. С. 37–45.

тем, что новый стиль жизни формировался под влиянием западной светской жизни, притягательность которой для русских людей была чрезвычайно сильна. Процесс секуляризации принимает острые формы после Смутного времени, т.е. с половины XVII века. С начала XVIII столетия под прямым наблюдением и по строгому приказу государственной власти насаждаются формы западного быта. Эти перемены отвечали, конечно, внутренним сдвигам, происходившим в русской душе, — и прежде всего внутренней секуляризации, которая создавала потребность и внешнего своего выражения².

С начала преобразований Петра I новый стиль жизни формируется в верхних слоях русского общества с такой быстротой, что уже через несколько десятилетий старый быт сохранился в целостности лишь в провинции — у простого народа и старообрядцев. В это время возникает самостоятельная светская культура, уже не имеющая связи с церковным сознанием. Процесс создания светской культуры идет вне Церкви и независимо от нее, а иногда даже и в сознательном противопоставлении себя церковному сознанию: рождается светская культура, открывающая простор для «мирских» интересов и развлечений³.

Как отмечает протоиерей Василий Зеньковский, светская культура в России есть явление распада предшествовавшей ей церковной культуры. Это происхождение светской культуры из религиозного корня дает себя знать в том, что в светской культуре всегда есть своя религиозная стихия, свой внецерковный мистицизм. Идеал, одушевляющий светскую культуру, есть не что иное, как христианское учение о Царстве Божием — но уже всецело земном и созидаемом людьми без Бога. Деятели культуры обычно настолько внецерковны в самых основах и глубинах своей творческой жизни, что сре-

² См.: Зеньковский В.В., *прот.* История русской философии. Л., 1991. Т. I. Ч. 1. С. 83.

³ См.: Там же. С. 55–56.

ди них одинаково возможны и дружелюбное и враждебное отношение к Церкви. Но в обоих случаях светская культура стихийно движется в сторону вытеснения Церкви из жизни⁴.

Древнерусская литература неотделима от церковнославянского языка. Этот язык во многом определяет литературный облик древнерусских произведений. До конца XVII века позиции церковнославянского языка в языковом, а значит, и в культурном сознании были чрезвычайно прочны. С началом секуляризации его твердое положение ослабевает, он начинает вытесняться из центра языковой жизни. Сотворенная по воле Петра I «новая культура должна была создать для себя новый язык, отличный от традиционного»⁵.

Языковое родство между голосом Церкви и голосом государства оказалось нарушенным. Литература и Церковь предстали как разные языковые субъекты. Церковнославянский язык начал ощущаться отчасти чужим, и вследствие этого причастная ему церковная литература воспринималась как что-то удаленное от центра культурной жизни. Более того, к ней нередко относились как к литературе на другом языке, языке «семинарском».

Можно констатировать, что даже для церковных писателей изменилось то место, которое занимала в их самосознании церковнославянская литературно-языковая традиция. Она перестает ощущаться как фундамент, лежащий в основе культуры, становится чем-то маргинальным. А в центр однозначно выходит светский язык, созданный с опорой на естественное словоупотребление и возникший вне церковных стен. Именно с его позиций теперь оценивается все происходящее в словесности, в том числе — и духовной⁶.

Это приводит к тому, что церковная литература все больше подпадает под влияние секуляризованной светской

⁴ См.: Там же. С. 82–83.

⁵ Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 73.

⁶ См.: Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. С. 82–83.

литературы. В XIX веке практически вся церковная литература, в том числе и жития святых, пишется уже не на славянском, а на русском языке. Со сменой языка происходит и коренная перестройка всех жанров церковной словесности. Теперь она живет и развивается не по родным для нее правилам древнерусской литературы, а по общим законам русской, а теперь уже, значит, и европейской литературы, что явилось ознаменованием конца всей предшествующей литературной эпохи, возникновением постриторической культуры.

XIX век не дал обильного материала для русской агиографии. В течение всего столетия произошли только четыре общецерковные канонизации, причем все повопрославленные святые принадлежали к святительскому чину. Первым святым, канонизованным в XIX веке, был Иннокентий, первый епископ Иркутский, скончавшийся в 1731 году. Вторым святым был Митрофан, епископ Воронежский, скончавшийся в 1703 году. Почти через тридцать лет после святителя Митрофана был канонизован другой Воронежский епископ, Тихон. Четвертым и последним святым, канонизованным в XIX веке, был Феодосий Угличский, архиепископ Черниговский.

В XIX веке начинается научное изучение истории русской литературы. В этой связи достаточно назвать имена С.П. Шевырева и А.П. Пыпина; древнерусскую литературу и культуру исследуют Ф.И. Буслаев, М.И. Сухомлинов и многие другие. В течение XIX столетия создается целый ряд исследовательских работ по русской агиологии.

С этого момента агиографический канон существует не только в литературной традиции — отныне он четко описан и зафиксирован в научно-исследовательской литературе. Автор, пишущий в агиографическом жанре, имеет возможность не только равняться на своих предшественников, подражать известной ему литературной традиции, но может непосредственно выяснить для себя, что такое житийный ка-

нош вообще и каковы его основные законы и особенности. Взгляду писателя открывается история развития агиографии, ее место и значение для русской литературы в целом. Таким образом, в XIX веке впервые происходит самоосознание жития как литературного жанра.

По сравнению с описанным веком, в XX столетии сложилась принципиально иная историческая ситуация. В течение этого века произошли глобальные потрясения, коренным образом изменившие весь ход истории России и Русской Православной Церкви. Эти потрясения не могли не отразиться самым серьезным образом на всей церковной жизни и, в частности, на судьбе житийного жанра.

Агиографический жанр в конце XX века находится в стадии своего возрождения. Среди авторов житий нет единства в понимании целей и задач, в выборе литературных средств. Тем не менее, просматриваются некоторые общие тенденции, свойственные большинству агиографических произведений.

В первую очередь это тенденция к беллетризации жития, стремление сделать этот жанр более художественным, тем самым облегчив его восприятие для современного читателя. Авторы, сохраняя точность в передаче исторических событий, описывают их в достаточно яркой, непосредственной художественной манере. Живость литературных образов, динамика развития событий создают значительный контраст с историческим житием XIX века. В то же время эти особенности в некоторой степени сближают современное житие с образцами древнерусской литературы. В древнерусской агиографии сюжетные и художественно-образительные качества произведения также имели большое значение. Они иногда даже становились важнее, чем точность передачи исторических событий. Разница между древнерусским и современным подходом к написанию жития заключается в том, что древнерусский книжник руководствовался при этом нормами сложившейся жанровой традиции, а современный

писатель — своим пониманием литературных задач жанра и, во многом, нормами современной светской литературы.

В то же время многие современные агиографы отказываются от собственного разъяснения излагаемых фактов. В произведении отсутствует голос автора, рассказчик все события выносит непосредственно на суд самого читателя. Автор стремится донести до читателя голос самого подвижника, не внося в его звучание своих собственных комментариев.

Все сказанное свидетельствует о переосмыслении задач агиографического жанра в новейшее время. Традиционной целью написания жития было прославление святого через раскрытие соответствия его жизни идеалу святости, при этом основной задачей жития было наставить читателя в христианских добродетелях, ведущих к достижению этого идеала. В новейшее время такое дидактическое понимание агиографического жанра отходит на второй план. Гораздо больше современного писателя и читателя волнует возможность достижения святости в наше конкретное время, условия жизни в котором столь сильно отличаются от условий жизни древних подвижников. Какие они — святые современной эпохи, внешне живущие среди нас, но не принадлежащие к этому миру? — вот вопрос, который более всего волнует читателей агиографической литературы.

Это приводит к значительному усилению личностного начала и психологизма в современном житии. В нем теперь изображается не абстрактный идеал святости, а конкретная человеческая личность, стремящаяся и достигающая спасения, со всеми ее переживаниями, искушениями и неизбежными ошибками, совершаемыми ею на этом пути. Такое житие драматично, полно сложных перипетий и коллизий и лишено абсолютной однозначности, как и сама современная жизнь. Все эти изменения свидетельствуют об изменении самого типа современного читателя и автора агиографического произведения. Органическое сочетание такого понима-

ния жития с традициями этого древнего церковного жанра представляется достаточно проблематичным, оно еще не нашло своего однозначного воплощения в современной агиографической литературе.

Сравнение житий нового времени с древнерусским житийным каноном, а также исследование развития агиографии XIX—XX веков позволяют выявить магистральную тенденцию, определяющую движение житий. С выпадением жития из богослужения Православной Церкви его развитие во многом подчиняется общим закономерностям литературного процесса. Житие изменяется параллельно с другими литературными речевыми жанрами. При этом крайне существенно, что вся литература нового времени развивается в направлении все большей секуляризации, что определяет и возрастающую секуляризацию агиографического жанра.